

озера мотивировано тем, что, по бытующим преданиям, на его месте в языческие времена процветал город, погрязший в грехе, — ведь богатства городу доставлял черт. Город погрузился в развешшуюся землю за то, что жители перестали чтить черта со времени введения христианства. На месте города образовалось озеро [Niederhuffer, 1998: № 143]. По сути, речь идет о прекращении служения и жертвоприношений старым богам, что, согласно христианской морали, было грехом. Мотив провалившихся городов, церквей и строений и образования на их месте «бездонных» озер неоригинален для северонемецких земель. Он встречается и в русском фольклоре: «В Орловской губернии есть место — полянка посреди дремучего леса, где много лет назад разбойниками свершилось много преступлений и было пролито много человеческой крови. За эти деяния полянка и все разбойники провалились, а на том месте появилось бездонное озеро» [Даль, 1996: 255–265]. Однако в этом случае речь идет об общехристианском понятии греха. Мотив появления на поверхности озера в определенные «святые» дни года, например, в Христово Воскресенье и Иванов День, каких-либо напоминаний об исчезнувших местах или строениях также является сквозным. Таким образом, можно говорить о странствующих мотивах или об общей для указанного ареала закономерности.

Легенды о вендах и особенности их ономастики

Специфика фольклорного репертуара северонемецких земель выражается в особой доминанте — это повествования о вендах, языческие мотивы в содержании легенд, ссылки на славянское прошлое деревень, что вызвано историческими обстоятельствами. Б.Н. Путилов отмечает: «Особое место в ряду факторов исторического порядка занимает историческая, этническая преемственность, характерная для населения данного региона. Региональная специфика может рассматриваться как результат поддержания и продолжения более древних качеств, связанных с ранними фактами этнической истории» [Путилов, 1994: 148–149]. Региональная специфика фольклора Мекленбурга — Передней Померании обусловлена внефольклорными факторами, в первую очередь живыми многовековыми контактами двух этносов в процессе славяно-германского этнокультурного синтеза, взаимовлиянием вендской и немецкой культур.

«Из вендского времени» — под такой рубрикой обычно собраны легенды и предания исторического характера, в которых исследователь неожиданным образом находит память о вендском прошлом деревень Мекленбурга и Передней Померании. Это предания, излагающие исторические события колонизации вендских земель в форме достоверного рассказа. Не располагая точными датами и подчас нарушая хронологическую последовательность описываемых событий, они все же являются ценным этнографическим материалом, поскольку в выдвигаемых гипотезах об этнической принадлежности явлений культуры прослеживаются указания на вендское прошлое северогерманских земель, т.е. предания содержат хотя и фольклоризированное, но осознанное знание о вендском прошлом, о богах вендов и их культуре. Не случайно исторические предания и легенды получили определенное определение жанров, в которых «повествование идет о событиях и о лицах как о том, что было в действительности. Исторические предания и легенды утверждаются как правда, отрицают вымышленность повествования». Историческое предание, «сохраняя память о совершившемся событии <...>, живет в памяти народа как устная, неписаная история» [Чичеров, 1959: 263–264]. Обратимся к конкретным примерам.

Легенды сообщают, что у г. Пенцлин на горе Грапенвердер стояла вендская крепость, подчиненная Ретре, и ее жители даже после насильственного обращения в христианство продолжали поклоняться своему богу Радегасту [Neumann, 1998: SaM, № 3]. Легенда о трех каменных кругах «Штайнтанц» у дороги в г. Бойтин округа Бютцов [Приложение 1, перечень 4, № 29] интерпретирует загадочное рукотворное расположение камней таким образом: «Некогда здесь собирались венды и приносили кровавые жертвы своему богу Радегасту» [Neumann, 1998: SaM, № 3].

Рассмотрим легенды, которые кроме вымышленных событий содержат преломленные народным восприятием исторические факты. Легенда о вендских колоколах в озере Вирховзее повествует: «В Померании в округе Нойштеттин известно одно озеро, на берегах которого есть две деревни — Вирхов и Зассенбург. В далекие времена эту местность населяли венды, и жили они главным образом в Зассенбурге, который тогда назывался Вирхов. Они построили большую церковь со звонницей, в которой были самые красивые колокола во всей стране. А потом так случилось, что в страну вторглись саксонцы и покорили ее себе и стали править. А бедных вендов стали презирать и угнетать. Саксонцам полюбилась и живописная деревня Вирхов, и они изгна-

ли оттуда вендов и обосновались сами. С тех пор деревня стала называться Зассенбург. А вендам пришлось уйти на другой берег и основать там новую деревню, которую они назвали тем же именем в память о старом Вирхове» [Neumann, 1998: SaP, № 7, 16].

Здесь мы на время прервем изложение исторической части легенды и обратим внимание на следующие детали: во-первых, топоним славянского происхождения Wirchow / Wurchow (от слав. *vrch-, *върх- 'верх') противопоставлен немецкому топониму, в основе которого лежит этноним «Sachsen» — Sassenburg < Sachsen-Burg, т.е. «Крепость саксонцев». Во-вторых, устное предание зафиксировало реальное соотношение вендских и немецких поселений на территории, подвергшейся в XII–XIII и последующие века колонизации и христианизации: в процессе переселения немцы занимали вендские деревни, а вытесненные венды уходили и строили деревни неподалеку либо были вынуждены селиться на окраине старой деревни, образуя свой «форорт» [Witte, 1905: 14]. Так возникали топонимы одинакового звучания, различавшиеся только приставками Deutsch- / Wendisch- (Немецкое... / Вендское...), а позже — Gross- / Klein- (Большое... / Малое...) для дифференциации находящихся рядом, но разделенных по национальному признаку населенных пунктов. Примером могут служить многочисленные GroЯ-Jannewitz и Klein-Jannewitz, GroЯ Mist и Klein Mist, GroЯ Helle и Klein Helle, Wendisch Evern и Deutsch Evern и т.д.

Вернемся к легенде. Следующая, поэтическая часть ее повествует о том, что венды, уходя, ничего не забрали из своей деревни, кроме уникальных колоколов, но саксонцы лишили вендов и этой священной реликвии, сняв их с колокольни. Как только саксонцы отплыли на своих лодках, на озере поднялся сильнейший шторм, который уничтожил лодки саксонцев и потопил колокола. Рассказывают, будто это несчастье — от колоколов, оттого, что они не хотели расставаться с вендами и служить саксонцам, предпочли уйти на дно озера. Колокола по сей день покоятся там, и никому не удастся их поднять. В определенные дни можно слышать, как они плачут человеческими голосами о своей несчастной доле и невозможности вернуться к вендам [Neumann, 1998: SaP, № 7, 17].

Если в этой части легенды и присутствует элемент вымышленного, мифического, то за сказочным содержанием прослеживаются некий скрытый подтекст и отражение реальных процессов. Это заключается, во-первых, в сочувственном отношении повествователя к вендам как к исконным жителям местности. «Права» вендов на исконность территории подтверждаются и нежеланием сказочных колоколов «служить саксонцам». Во-вторых, в сказочном факте ис-

чезновения колоколов на дне озера отражен реальный исторический процесс исчезновения полабской этнокультурной общности, растворения вендов в немецкой среде. Легендарный факт, что в определенные дни можно услышать звон затонувших вендских колоколов, — аллегорическое утверждение сохранения, скрытого существования вендской культуры в недрах современной немецкой национальной культуры Померании.

Легенда о Девьем камне у Мальхина (Мекленбург), упомянутая нами, сходным образом демонстрирует сохранение знания о вендском прошлом мекленбургских земель в народной памяти. «Много веков назад в Мальхине стоял вендский замок, и им правила последняя вендская княжна, принцесса Вендогард. Ей принадлежали почти все леса и пахотные угодья вокруг Мальхина. И только лес в окрестностях озера Куммерверер Зее она оспаривала с рыцарем-разбойником Ландольфом, который жил в замке на острове и настаивал на своих правах на этот лес. Однажды княжна со свитой и рыцарь Ландольф сошлись в этом лесу, чтобы решить спор. Княжна торжественно поклялась Богом, что этот лес искони принадлежал ее предкам, и если Бог призовет ее к себе, то лес должен отойти к жителям Мальхина. Ландольф же ответил непристойной бранью и добавил: “Клятву я не дам, потому как и Бога тоже нет!”» [Neumann, 1998: SaM, № 9, 15].

За вымышленными именами стоит противопоставление этнической принадлежности героев: имя Вендогард (Wendogard), судя по фонетическому облику, имеет славянское происхождение и содержит в основе этноним, в то время как Ландольф (Landolph) — имя германского происхождения. В споре героев легенды можно усмотреть мифическое переосмысление многовекового исторического «спора» немецких переселенцев-колонистов со славянополабским населением Мекленбурга за владение землями. Если проанализировать легенду — противопоставление кроткой и благочестивой принцессы разбойнику, о котором ходила дурная слава, то возникает впечатление, будто легенда, с одной стороны, подчеркивает мирный характер вендов, с другой — демонстрирует сочувственное отношение к ним, как и легенда о колоколах. Поразмыслим над дальнейшими событиями легенды: «Возмущенная дерзостью разбойника, княжна произнесла: “То, что Бог существует и этот лес принадлежит мне, так же истинно, как и то, что след моей ступни и скипетра останутся в этом камне навечно!”; и следы, действительно, остались в твердом камне по сей день, а проклявший Бога разбойник был наказан» [Neumann, 1998: SaM, № 9, 16]. Возможно, топонимическая легенда о Девьем камне — некое фольклорное утверждение «исконности прав» вендов на мекленбургские земли. В этом сочувствии и в «утвер-

ждении» заключается региональная особенность легенд Северной Германии, поскольку, как отмечал Б.Н. Путилов, «сказители и знатоки преданий — это живая память, живые архивы о народе и истории страны. Тексты, ими сообщаемые, передают от поколения к поколению различные моральные и культурные ценности, опыт, исподволь внушая принадлежность к определенной группе» [Путилов, 1994: 77].

«Untergegangene Orte»: легенды об исчезнувших объектах и населенных пунктах

Целая группа сказаний относится к несуществующим городам и строениям — погибшим или затонувшим в незапамятные времена (untergegangene Orte).

Сказания об исчезнувших объектах встречаем, например, в Ябельхайде. Самое легендарное место Ябельхайде — Рамм — известно как погибший город. Согласно местному сказанию, из-за заносчивости и жестокосердия его жителей, развращенных богатством и излишествами, город погиб под тучами песка, которые обрушил на него разъяренный бык*. Конечно, то, как пред-

* «Жители старого Рамма были заносчивы, жестокосердны и безжалостны к страждущим, которых они сделали своими рабами. Всех ткачей богачи выгнали из города, потому что стук их станков мешал спать им после веселой ночи. И вот однажды настал час, когда сам черт был послан на землю, чтобы уничтожить город грешников. Сперва он пришел в Крамс и, спасаясь от мороза, устроился под теплым сводом печи у одного крестьянина. Тот, придя домой, увидел черта, схватил крик от котла и выгнал бестию из дома. Черт побрел в морозной ночи, приговаривая: “Хорошо там, откуда я убираюсь; горе, горе тем, к кому я иду”, — и пришел в Рамм. И собрал он совет у бургомистра, чтобы жители сами решили, как их город должен погибнуть. Он выставил на стол три кубка — с огнем, водой и песком, в одном лишь и была судьба города. Жители Рамма испугались огня и воды и выбрали кубок с песком — они сочли все происходящее шуткой, да и гибель от песка показалась им маловероятной. И черт исчез. Месяцы прошли, но вести о приближающейся гибели города не было, и жизнь вновь вошла в привычную колею. Стоял май, и приближался самый праздничный момент — бой быков с соседней деревней Пойль. В прошлом году бык из Рамма был побежден, и город должен был платить мзду согласно уговору — целого жирного петуха. Но в этом году должен был во что бы то ни стало победить бык из Рамма. Специально для этого у заезжих купцов был куплен лучший бык — черный, как смоль, невероятно дикий и злой; глаза его грозно сверкали искрами. И никто уже не сомневался в поражении жителей Пойля, но в день соревнований, когда уже оба быка были приведены на луг, где должна состояться битва, черный бык спо-

ставлены события легендой, вымысел. Но Рамм — реально существовавшее поселение в центре лесного массива Ябельхайде, которому суждено было дважды в истории пережить свой упадок. Сейчас это поселение — три дома, покинутые их владельцами из-за расселения зоны учений Бундесвера. Маленькая, опустевшая деревня, которая еще нанесена на карты, как и соседняя Кваст, также расселенная и находящаяся внутри запретной зоны. Пожилые люди и сегодня называют старый, легендарный Рамм «городом». Неужели раньше Рамм был богатым городом, о котором повествуют легенды и предания? В некоторых из них говорится, что «старый город» Рамм находился в центре мира, и сколько стоило зерно здесь, столько и на сотни миль вокруг [Niederhuffer, 1998: 519], а почвы здесь были самыми плодородными в регионе; здесь финикийцы закупали пшеницу для Рима. Если верить местной пословице: «*bber Quast und Ramm fñhrt der Weg nach Abraham*» («Через Кваст и Рамм лежит путь к Аврааму») [Pentz von, 1995: 16], история Рамма восходит к библейским временам. В сообщениях 1597 г., содержащихся в протоколах церковных визитаций Альт Ябеля, говорится: «В Рамме раньше имелась часовня, и на день Святой Марии Магдалины здесь проводились ярмарки. В Рамме было 14 гуф земли, *но все занесло песком*. И Пентц из Фольцраде имел в Редефине сам молочный двор и овчарню. В остальном же здесь живут еще всего лишь 5 коссатов» [LHA Schwerin]. Так что «первый» Рамм во время своего расцвета был довольно богатой и крупной деревней, определявшей ценовую политику в округе. Можно предположить, что упомянутые 5 коссатов — малоземельных крестьян-бедняков — это население новой деревни, основанной неподалеку от старого Рамма и названной так же. Когда жители покинули старый «город Рамм» — неизвестно. Можно предполагать, что это произошло во второй половине XVI в. [Kupfer, 1958: 26], т.е. непосредственно перед визитом церковных наблюдателей. Предания середины XIX в. гласят, что под толстым слоем песка находится лучший

койно паша на свежей траве, не обращая внимания на своего противника. И тут жители Рамма рассвирепели: схватили быка за шкуру, рванули его, принялись тянуть. Как только бык освободился, его мучители были растоптаны насмерть. Затем он огляделся вокруг, издал ужасный вой и медленно пошел в сторону песчаной горы — той, что около Лоозена. Не останавливаясь, он поднимал в воздух тучи песка, так что солнца стало не видно, и песок полностью покрыл город. Это случилось так быстро, что зрители даже не успели спастись. Так исчез город Рамм. Ничего не осталось, лишь верхушки занесенных песком деревьев возвышаются то тут, то там. И только один двор недалеко от старого Рамма восстановили — там, где сегодня и находится деревня» [Pentz von, 1995: 16, 20–21].

плодородный суглинок, в котором можно хорошо различить каменные улицы города и фундаменты домов [Niederhuffer, 1998: № 180–182]. Сейчас в районе локализации старого Рамма ведутся археологические исследования, которые действительно показали наличие остатков поселения на этом месте.

Причина заката легендарного, но реально существовавшего Рамма вполне объяснима: известно, что почвы в Ябельхайде неплодородны, а песчаные дюны часто разрушались ветрами и бурями, отчего гибли посевы, сады, пастбища. В прошлом население вело борьбу с песчаными бурями, но природные катастрофы все же случались. Тогда население вынуждено было покинуть деревни и переселяться в другие места. Возможно, в прошедшие столетия и другие населенные пункты Ябельхайде покидались людьми по тем же причинам. В Ябельхайде по сей день при рассказах о далеком прошлом употребляется характерная вводная фраза: «Ah, es ist alles mit dem Sande verweht» («Все это занесено песком») в значении ‘ушло безвозвратно’ (Илл. 9, 43, 44).

Не менее известно в Ябельхайде место под названием «Кирхферзунк», расположенное недалеко от д. Филанк. Письменно зафиксированы разные варианты сказания об этом месте*. При-

* «Недалеко от деревни Филанк находится одно болотистое место, которое народ называет не иначе как «Кирхферзунк» (исчезновение церкви под землей). Здесь в стародавние времена, когда Мекленбург еще был населен сплошь языческими вендами и христиане были лишь незаметным островком среди них, одиноко и заброшенно стояли в диком дремучем лесу спрятанные от постороннего взгляда бедные хижинки прихожан небольшой христианской общины, да была еще простая церковь из дерева и глины. Многие годы жила спокойно и никому не известна эта община, и мстительные набеги разъяренных язычников миновали ее. Счастливы и благочестиво служили христиане в тиши своему Господу. Но однажды эта тихая обитель была обнаружена язычниками. Целые тучи беснующихся язычников отправились, чтобы уничтожить последнее пристанище христианства и освободить землю от иноземных захватчиков, немецких саксов и их учения, как это происходило в те годы повсюду в Вендланде [Эти события датируются 1018 г. — Ю. И.-Б.]. И как раз когда маленькая община собралась на вечернюю службу в своей маленькой церкви, разъяренная толпа ворвалась внутрь. Но Господь не хотел осквернения своего святилища, не хотел, чтобы убийцы пролили невинную кровь. И вот вдруг маленькая церковь со всеми прихожанами погрузилась в землю, и перед ошеломленными врагами уже простиралось большое глубокое болото, которое не пустило их дальше в землю христиан. Церковь же исчезла, а то место, где это случилось, еще и по сей день называют «Кирхферзунк» [Niederhuffer, А.: Mecklenburgs Volkssagen. Bremen, Rostock, 1998: 418, № 261.]. Во время нашей экспедиции 2000-го г. в д. Филанк со слов Кристель Древес удалось записать еще один вариант легенды. Здесь, в *Филанке*, известна легенда об

ведем устную версию, записанную Кристой Купфер в Альт Ябеле в 1955 г.: «Маленькая христианская община долгие годы вела свою обособленную и незаметную жизнь в глухом лесу, неподалеку от деревни Филанк. У общины была своя маленькая церковь, в которой проводились службы и усердно молились прихожане. Однажды их обнаружили два венда, которые как раз охотились в здешних лесах, и на следующий день вернулись с большим войском вендов, дабы разрушить деревню. Но Господь Бог не хотел этой участи для благочестивых людей, и его волей церковь со всеми собравшимися в ней христианами погрузилась в землю. Еще и сегодня рассказывают, будто слышны колокола той церкви из глубин земли» [Kupfer, 1958: 63]. «Кирхферзунк» реально существует и теперь — это огромная яма диаметром около 100 м в болотистом месте; она также находится в зоне учений Бундесвера, но, по рассказам информанта Хуго фон Пентца из Фольбраде, он часто бывал здесь в детстве, т.е. до 1930-х гг. [Иванова Ю.В. Архив. Л. 68].

Как возникла эта легенда, рассказываемая местными стариками в наши дни? С одной стороны, на картах XVIII в. отмечена пустошь южнее д. Филанк, где ранее значилась деревня, причем с круговым планом — так называемый «рундлинг». Деревня вместе с крестьянскими наделами находилась на территории Тевсвосских угодий, но административно в 1773 г. подчинялась Альт Ябелю. Однако ни название деревни, ни время ее исчезновения не приводятся. С другой стороны, в легенде о «Кирхферзунк» речь идет о временах и происшествиях, связанных в народной

утонувшей церкви (Kirchversunk): «В давние времена в одной немецкой деревне жили очень религиозные люди, регулярно ходившие в церковь и усердно там молившиеся. Деревня эта была окружена густым-густым лесом, в котором можно было легко заблудиться. Именно это и произошло однажды с двумя деревенскими егерями. Блуждая в поисках обратного пути, они вдруг натолкнулись на какого-то человека, а вскоре увидели селение, в котором жили венды-христиане, у которых была своя церковь. Вернувшись в свою деревню, егери призвали земляков к походу на эту лесную деревню, чтобы уничтожить вендов, считая их воинственными, а потому и опасными. Но о таком замысле вендам стало известно. Поэтому, когда жители немецкой деревни собрались в своей церкви, лесные венды окружили ее с намерением убить молящихся и разграбить их имущество. Но, поскольку жители немецкой деревни славились добродетелями, Бог пожелал их спасти и повелел церкви утонуть вместе с собравшимися там людьми. С тех пор венды не могли злоумышлять и вынуждены были вернуться в лес [Мыльников А.С. Первая российско-германская этнографическая экспедиция в Северную Германию (Ябельхайде-Вендланд). Ч. I: Ябельхайде // Полевой дневник. Л. 74 об.].

памяти с вендами; венды упоминаются и в легенде. Исследования 1956 г., проведенные в регионе Кристоф Купфер, свидетельствуют, что между этой пустошью, микротопонимом Kautzen, известном в Филанке, и данной легендой есть определенная связь. Во-первых, все данные относятся к земельным угодьям, которые располагались в западном и южном направлении от Филанка. Во-вторых, форма и расположение земельных наделов в виде блоков, встречающиеся также на картах угодий других деревень Ябельхайде, некоторые авторы склонны считать характерной чертой славянского поселения [Kupfer, 1958: 64–65]. Установлено, что круглая форма поселения, такая, что была и у исчезнувшей деревни, типична для районов славяно-германских контактных зон [Hardt, Schulze, 1992: 26–27], какими были Ябельхайде и соседний Вендланд. Следовательно, легенда о «Кирхферзунк» содержит память о событиях вендской истории Ябельхайде. Кстати, легенда о погибшем городе Рамм также отразила события, непосредственно последовавшие за датой последней фиксации в Ябельхайде остатков полабской культуры.

Это далеко не весь список легенд эсхатологического содержания. Напомним лишь, что аналогичные сведения обнаруживаются в народных преданиях о г. Кармитц на берегу Кармитцкого озера и д. Свантус в Померании, г. Грабов на границе округа Деммин. Ряд «исчезнувших» городов, погибших в разверзшейся земле или море, можно проследить и западнее, на территории Мекленбурга, — это г. Демен, д. Лассан в округе Людвигслуст, д. Гранцендорф около Тесина, исчезнувший двор около д. Вихмансдорф близ Крёпелина, старый г. Пархим. К этому перечню можно добавить многочисленные легенды об исчезнувших в глубинах озер и болот церквях, замках и строениях, речь о которых пойдет в другом разделе данной главы.

Пожалуй, самым известным в этом ряду является сказание о Винете. Одна из наиболее известных редакций сказания о Винете, датированная XII в., выглядит следующим образом: «Винета (Wineta) была огромным городом с хорошим портом, принимавшим корабли всех соседних народов. И еще много рассказывают о городе, и это кажется почти невозможным. Это был такой большой город, какой только мог быть в тогдашней Европе. Греки, славяне, венды и другие народы жили в Винете (Vineta), даже саксонцы были там, но им запрещалось исповедовать христианскую веру, потому что все граждане города были язычниками. А в остальном царили порядок и воспитанность, и иностранцы могли найти здесь лучший прием. В городе можно было отыскать любой товар и вообще все, что было и редко, и роскошно, и необходимо. Рассказывают, будто один датский король напал на

город с большим флотом, завоевал его и разрушил. Остатки же города еще и по сей день можно видеть...» [Haas/UP, 1922: 220]. Существует другая, более поздняя версия легенды, согласно которой «горожане были сперва столь скромны в нравах и поведении, а город — столь богат и роскошен, что вскоре от излишеств нравы испортились и появились распущенность и неумеренность. Жители перестали бояться божьей кары и уважать святыни, и однажды Бог покарал город, разрушив его и погрузив в морскую пучину» [Neumann, 1998: SaP, 9]. Легенда о затонувшей Винете не единственная в этом ряду. Исчезнувший «город» Регамюнде находился на побережье моря в устье р. Рега. Еще в XIII в. это было одно из семи поселений в течении р. Рега, небольшая деревня, которая, правда, имела свой порт и поэтому была значима для региона. По этой причине легенды приписывают Регамюнде статус города. Последние дни Регамюнде описаны в сказании так: «Им [жителям города. — Ю. И.-Б.] стал не нужен Бог — у них было достаточно денег и богатства. <...> Так черствели их сердца. <...> Они не знали страха божьего, и все предостережения проходили мимо их слуха, растворяясь в морском бризе; над предупреждениями они смеялись. И тут наступил божий суд, который приходит всегда, когда истекает время милости. Внезапно обрушились волны Балтики; было ли это землетрясение или же ураган, принесший ужасное наводнение? В эту ненастную ночь Регамюнде был полностью уничтожен. Только фундаменты и колокольня остались свидетелями былой жизни. Там, где когда-то жили, любили и страдали люди, одно лишь море однообразно катило свои неутомимые волны» [Knietz, 1922: 45–46] (Илл. 10).

Приведем в качестве примера похожую легенду, локализованную на другом берегу Грайфсвальдского залива Балтийского моря. Там находился город Ниневия, жители которого «были высокомерны и заносчивы. Однажды некая женщина, желая преодолеть пролив, не замочив при этом ног, бросила в воду хлеб. Это разгневало Бога. Господь обрушил на город восточный ветер, который бушевал семь лет. И вот от этого оторвался Тиссов от Рудена, а Руден — от материковой Померании, Цикер — от Фильма, а Фильм — от Путбуса*, и затонула грешная земля Ниневии со всем, что в ней было. Один лишь праведник спасся» [Rygen, 1998: 82; Haas/UP, 1922: 220].

* Tissow, Ruden, Vilm, Zicker — малые острова и полуострова изрезанной береговой линии Рюгенского залива Балтийского моря; Puttbus — крупный город на северном берегу залива.

Старожилам, живущим далее, посреди Балтийского моря, севернее острова Узедом, известен остров в виде плоской площадки, которая, по преданию, остается над водой даже в самые сильные наводнения и штормы. Местное предание гласит, что на этом месте много веков назад был город Борнхолль, который затонул в море [Haas/UP, 1922: 219].

С Балтийским побережьем Северной Германии связано наибольшее количество сказаний о затонувших городах. Это объясняется, с одной стороны, геологическими особенностями песчаных почв побережья, подверженных размывам и разрушениям, и постепенным наступлением моря на сушу. Этот процесс продолжается в настоящее время, что особенно заметно на северной оконечности о. Рюген: мыс Аркона с расположенным на нем фундаментом древнеполабского языческого храма Свантевита разрушается наступающим морем; скорость разрушения составляет примерно 1–2 м ежегодно. По сообщениям местных газет, в марте 1999 г. его площадь сократилась на несколько квадратных метров после того, как часть подмытого волнами обрывистого песчаного берега рухнула в море (Илл. 11). Такая особенность Балтийского побережья и в особенности северонемецких островов Рюген и Узедом известна местным жителям, которые постоянно сталкиваются с ее проявлениями.

Историческая обстановка IX–XII вв. нередко способствовала упадку крупных ремесленных и торговых центров западных славян: усиливавшиеся феодальные государственные образования Поморья, польских, немецких и скандинавских земель стремились подчинить себе экономически процветавшие славянские племена междуречья Эльбы и Одера. Успехам завоевателей способствовала малая политическая сплоченность западно-славянских племен. Подчинение центров происходило под знаменем новой христианской религии, которая вместе с феодальной идеологией, неразрывно связанной с ней, принесла деление населения на «господ и слуг», а следовательно, и предпосылки для образования центральной власти, чего не знало языческое славянское общество. Глубокие социально-экономические изменения угрожали существованию некоторых раннесредневековых славянских городов. Будущее было за теми городами, которые под прикрытием феодальной организации государства и защитой могущественных землевладельцев, обладая определенными привилегиями, способствовали развитию внутреннего рынка. Многие поселения, бывшие до этого времени значительными надрегиональными центрами торговли и производства, приходили в упадок, не имея покровительства и не отвечая новым экономическим отношениям. Не исключено, что набожным жителям внезапный

упадок городов казался Божьей карой за былое богатство и изобилие, что дает повод для создания легенд [Lange, 1991: 28, 30].

В местах, с которыми связаны сказания о затонувших городах Балтийского побережья, рыбаки часто обнаруживают гряды больших камней, напоминающие фундаменты и остатки укрепленных дамб, что служит для них подтверждением легендарных известий. В свою очередь неточные сведения об их происхождении также дают толчок для создания поэтических легенд о затопленных городах [Knietz, 1922: 50]. Кроме того, вплоть до настоящего времени археологи и историки ищут подтверждение легендарным сведениям о древних городах Балтийского побережья и их гибели в средневековых летописях*. Таким образом, легенды об исчезновении богатых древних городов побережья находят объяснение в современной науке. Но это один аспект проблемы. Другой аспект заключается в особенности функционирования фольклорного источника и восприятия современными жителями региона событий, описанных легендами, что интересует нас в большей мере.

Следует обратить внимание на топонимику легенд. Можно выделить два слоя — библейский и славянский. Легендарные погибшие города, будто бы существовавшие «много веков назад» в различных местах побережья Померании, названы именем древнего ассирийского города Ниневия, сведения о богатствах и в последующем уничтожении которого, возможно, соотносились в народном сознании с гибелью библейского Вавилона, разрушенного Богом за гордыню и заносчивость. Следовательно, не исключено восприятие местными жителями гибели процветающих городов как наказания божьего, что отразили легенды. Напомним, что старый Рамм, некогда процветавший «город», был проклят и погиб из-за излишеств и грехов его жителей. Однако топоним Ниневия часто смешивается или употребляется рядом с другим названием — Винетой (в различных вариантах написа-

* Современные немецкие исследователи сказания о Винете Ингрид и Вернер Ланге анализируют данные различных хроник, оставленных миссионерами и летописцами средневековья: франкского епископа Римберта («Житие Ансгара» 865–876 гг.); еврейского купца Ибрагима ибн Якуба (описание путешествия в Богемию, Саксонию и Мекленбург 965 г.); Адама Бременского, магистра школы при Бременском кафедральном соборе («История епископата Гамбургской церкви» 1076 г.); Гельмольда из Босау («Славянская хроника» XII в.) — все они свидетельствуют о наличии богатого славянского поселения на берегах Балтики, которое могло стать прообразом легенды о Винете [Lange I.; P.W. Vineta. *Athlantis des Nordens*. Leipzig, Jena, Berlin, 1991. S. 20–38]. См. также: [Kiersnowski R. *Legenda Winety*. Krakow, 1950; Burkhardt R. *Zur Vineta-Frage* // *UP*. Jg. 6, 1921. S. 224–232].

ния: Wineta, Vineta): «город Борнхолль, который иногда называют Ниневией»; «У Рюгена, на берегу Грайфсвальдского залива, был в давние времена город, называемый Ниневия, или Винета» [Haas/UP, 1922: 220]. Хотя среди различных вариантов знаменитого померанского сказания о Винете упоминаются венецианцы, проживавшие в городе, а также метафора «Северная Венеция» как факторы, помогающие установить этимологию топонима, немаловажно то, что мифический город Винета по сей день в среде городского и деревенского населения Померании воспринимается как славянский город. В этом плане интересна ремарка профессора Альфреда Хааса, собравшего наибольшее количество сказаний об этом регионе: «Название затонувшего города — Винета, т.е. «Город вендов», и это так для нас привычно, что мы и не могли бы подумать иначе» [Haas/UP, 1922: 220]. Авторы энциклопедий XVIII в., опираясь в изложении своих данных на народные предания, писали: «Винета, первый и древнейший город на острове Узедом в Померании, принадлежащий княжеству Рюген. Предположительно названа по племени вендов, которые долгое время владели этой местностью» [«Grosse Universal-Lexikon aller Wissenschaften und Künste, welche bishero durch menschlichen Verstand und Witz erfunden worden». Leipzig, Halle, 1748. Bd. 56. Цит. по: Lange, 1991: 17]. За содержанием легенд о затопленных городах стоит отражение давней реальной истории заката языческих городов вендов и исчезновения славянополабской этнической общности с этнополитической карты Северной Германии. Можно упомянуть подобное сказание о храмовом городе Ретре, главном религиозном и политическом центре племенного союза лютичей-вильцев, разрушенном саксонцами около 1066 г. и до сих пор нелокализованном: «Ретра была большим и красивым городом и была повсюду известна своими богатствами, и все, кто приезжал сюда из близких и далеких селений, восхищались великолепием и роскошью. Только все это давно в прошлом. Ретра навлекла на себя гнев божий, а некоторые говорят, что это была кара могущественного колдуна. Когда было произнесено проклятье, земля разверзлась и поглотила всех жителей вместе с их добром. И не осталось следа от Ретры, ибо земля провалилась так глубоко в том месте, что вскоре возникло маленькое озеро Липс» [Niederhuffer, 1998, № 57].

Согласно легендам, исчезнувшие объекты, погибшие в море или земле города, подают о себе вести, и многие жители способны видеть или слышать их. О легендарном городе Рамм в Ябельхайде до сих пор рассказывают, что иногда ночью, оказавшись на перекрестке возле того места, где когда-то стояла церковь старого Рамма, можно увидеть большой и совершенно пустой

город, который исчезает с первым ударом колокола*. О д. Гранцендорф, погибшей в ужасном пожаре, который Господь обрушил на нее, согласно легенде, за грехи ее жителей, укравших колокол для церкви, напоминает в полдень Иванова дня звон украденных колоколов. Их жители утопили в местном озере, чтобы скрыть свое преступление, но если окунуть в воды озера белый платок, то можно услышать колокольный звон [Niederhuffer, 1998, № 179]. Приведем текст легенды о погибшей в разверзшейся земле Ретре: «И так покоится великолепная Ретра со всеми своими сокровищами глубоко на дне озера, и только при ясной тихой погоде, когда вода в озере Липс прозрачна, можно в глубине различить блестящие башни города. Да и вообще память о Ретре не угасла совсем. Колокола, находившиеся на колокольных городах, хоть и ушли на дно вместе со всем, но все же раз в году, в полдень Иванова дня они освобождаются от чар и появляются на берегу» [Niederhuffer, 1998, № 57].

Затонувшие или погибшие в разверзшейся земле церкви в определенные дни года подают о себе вести колокольным звоном. Таким образом, кроме отражения процесса исчезновения некоей человеческой общности (в нашем случае — этнической общности) сказание содержит и знание, возможно не осознаваемое современным читателем или рассказчиком, того, что в массе северонемецкого субэтноса славянополабский элемент не исчез бесследно, а продолжает свое существование в скрытой форме. В этом отношении интересна легенда из округа Драмбург об исчезнувшем языческом храме славян, зафиксированная Отто Кноо-

* Приведем один из вариантов известной легенды «Сказание о старом городе Рамм. (Город-призрак на месте церкви Рамма)», записанный нами со слов информанта и собирателя фольклора Хуго фон Пентца из деревни Фольцграде в 2000 г.: «Однажды шел пожилой крестьянин дорогой из Йессенитца в Рамм. Он отправился в путь поздним вечером, и уже начинало темнеть. Крестьянину было не по себе, но он все же продолжал путь. И вот он уже очутился в лесу, и тут стало еще темнее. И вот опустилась ночь, наступила крошечная тьма, и вдруг он видит свет. “Ну вот и первый дом Рамма”, — подумал крестьянин. Он подошел к дому, но дом был совершенно пуст. Он двинулся дальше и узрел еще несколько домов, ярко освещенных, но абсолютно пустых. Никого не было видно, ни одной живой души. И тут он подошел к церкви и увидел, что все жители Рамма собрались там, и увидел пастора в старомодных одеждах, который читал проповедь, поднимал руку, обращаясь к пастве, но ни единого слова не было слышно. Тогда крестьянин подошел к колоколу и дернул бечеву, но с первым ударом колокола все вдруг исчезло. Он рассказал о своем видении в деревне, и люди сказали: “Мы знаем, это был старый Рамм”» [Иванова Ю.В. Полевой дневник. Тетрадь 2. Л. 66].

пом в 1926 г.: «Храм разрушен, но бог еще жив. Рассказывают, будто он утащил свой храм на дно глубокого озера и там, где самое глубокое место, построил новый, красивее прежнего. В ночь на Христово Воскресенье он покидает святилище и выходит на восходе из озера и гуляет в роще на берегу. Иному удастся его встретить на заре» [Neumann, 1998: SaP, № 4]. Хотя и не во всех легендах эсхатологического содержания идет речь о вендах и не всегда можно провести аналогии с указанным процессом, обращает на себя внимание следующий момент. Легенды о затонувших или погибших по воле Бога городах особенно часто встречаются именно на территории Северо-Восточной Германии (Мекленбург, Померания, Брандербург), т.е. ареал распространения этих легенд совпадает с территорией расселения полабских славян в VII в. и позднее.

Это наглядно демонстрирует современный «Атлас сказок и легенд Германии», выпущенный издательством Немецкого общества автомобилистов ADAC. Он рассчитан на широкий круг туристов и поэтому включает наиболее типичные и знаменитые для предполагаемого района путешествия легенды; для Померании и Бранденбурга — это соответственно легенда о Винете и о затонувшем в озере Вербелинзее городе. В последней речь идет о гибели в водах озера города Вербелов, которым владел очень замкнутый и нелюдимый господин. Многие думали, что он колдун, который не хотел, чтобы люди прознали о его тайнах. Но однажды явилась женщина, чары которой оказались сильнее его, и предрекла колдуну вместе с его городом скорую гибель в водах озера. Так и случилось, но иногда на берегу озера появляется девушка, которая ищет героя, способного спасти затонувший город [Marchen- und Sagen-Atlas, 1998: 78–79]. Элементы содержания и топонимика легенды (суффикс -ow и корень топонима Werbelow свидетельствуют о славянском происхождении) позволяют поставить ее в один ряд с рассмотренными мекленбургскими примерами.

Как известно, основными носителями этнических свойств являются традиционно-бытовые компоненты культуры: обычаи, обряды и религия [Бромлей, 1974: 8]. Они оказываются наиболее живучими этнодифференцирующими признаками, носителями этнической специфики, когда в силу различных причин (рост научно-технического прогресса, взаимодействие культур или, как в данном случае, ассимиляция другим этносом) отмирает или унифицируется культура в ее материальных формах. Таким образом, значительную этническую нагрузку в сфере традиционной культуры наиболее долго сохраняют религия, обычаи, обряды и другие формы шаблонизированного поведения [Бромлей, 1974: 20]. Это согласуется со смыслом изложенной легенды. Даже

если языческий храм как выражение материальных форм культуры был разрушен, «славянский бог» (т.е. вера, религия) продолжает существовать скрыто, невидимо для постороннего глаза, как долгое время после завершения колонизации и официальной христианизации славянских земель за Эльбой в XI–XII вв. продолжала существовать вендская культура в немецкой среде. Неосознанное признание сохранения славянополабской этнической общности в немецкоязычной среде метафорически отражается в фольклоре в образе видений, теней и призраков, звона колоколов в определенные дни года, что не позволяет местным жителям забыть о некогда существовавшей культуре.

Легенды о вендах и особенности их ономастики (легенды о славянских сокровищах)

Еще одна разновидность памятников устной истории, сохранивших память о славянском прошлом земель Передней Померании и Мекленбурга, — это легенды и предания о кладах.

Составные части композиции легенд и преданий о кладах одинаковы и повторяются с небольшими вариациями для разных сюжетов. В начале вводится датировка события. Она типична для жанра преданий и в оригинале выглядит следующим образом: «vor undenklichen Zeiten» (в незапамятные времена), «vor vielen, vielen Jahren» (много-много лет назад), «vor vielen tausend Jahren» (много тысяч лет назад) [Lehmann, 1998: 30–32], «zu den Zeiten, als die Wenden noch in Mecklenburg hausten» (в те времена, когда в Мекленбурге еще жили венды) [Niederhuffer, 1998: № 135], «Das war nach der Franzosenzeit» (это было после французов; [т.е. после войны с наполеоновской Францией. — Ю. И. Б.], «in uralter Zeit» (в стародавнее время) [Neumann, 1998, SaM: 242, № 241].

Далее следует локализация объекта, в котором сокрыт клад и вокруг которого разворачивается действие. Как правило, это остатки крепостных валов, замки, насыпи и холмы, расположенные вблизи древних городов: «Там, где еще виден крепостной вал Гарца, стоял раньше языческий замок. Его завоевали и разрушили датчане»; «К югу от города Гарц расположены остатки старого крепостного вала. В нем в незапамятные времена была пещера...» [Lehmann, 1998: 30–31]; «на этой стороне, между рощей Прильвицкие Ели и прудом Бланкенбургстайх находится маленький холм, в нем был зарыт ящик с деньгами» [Neumann, 1998: SaM, № 248].